

прозе и в стихах его упрекали за то, что он преподавал теологию в женской аудитории. Автор трактата о «Ничтожности человеческого существования», сам Марсили был очень набожным августинцем, но его литературная культура делала его невыносимым для монахов монастыря. Вмешалась Синьория Флоренции:

4 сентября 1388 г. она постановила, что, если непрерывные преследования, жертвой которых был Марсили, не прекратятся, она сама непосредственно займется этим делом. Аналогичная ситуация будет непрерывно возникать в других монастырях вплоть до XVI века, и эти недоразумения принесут много горечи и несчастий. Здесь невольно вспоминаются Эразм, Рабле и немало других монахов, для которых монастырская атмосфера вскоре станет удушливой; далее мы увидим причину этого.

Вокруг стареющего Салутати уже появляются молодые люди, чье творчество прославит начало XV века. В первом ряду учеников, воспитанных и обученных под наблюдением Салутати, которого они назовут *patrem suum et praeseptorum suum*\*\* , находится Леонардо Бруни д'Ареццо (Аретино; d'Arezzo, Aretino, 1369—1444)\*\*\*. Если бы он знал греческий, если бы он глубоко исследовал латинских авторов — поэтов, ораторов и историков, он создал бы великое творение. Ученик Хрисолораса в греческом, далее он самостоятельно совершенствуется в этом языке и переводит небольшой трактат св. Василия «К молодым людям, о способе извлечения пользы из греческой литературы». Законченный до 1403 г., перевод был посвящен Салутати. Причина этого легко угадывается, но Бруни сам объяснил ее в «Посвящении» своего произведения. Дело в том, что из всех сочинений Василия именно это могло более всего благоприятствовать делу, которое среди посвященных называют «*nostra studia*»\*\*\*\*. Бруни добавляет: «Я делал этот перевод тем охотнее, чем больше желал его неудачи под воздействием этого великого человека, а также лени и испорченности тех, кто выставляет на позор изучение наук о человечности (*studia humanitatis*) и думает, что их нужно ненавидеть». Короче, Василий и Августин — греки. Впоследствии Бруни перевел много греческих произведений, в особенности жизнь Марка Антония Плутарха, «Предисловие» к которому содержит немало интересных сравнений гре-

557

## 1. Возвращение литературы в Италии

ческого и латинского языков; «Федона», «Критона», «Горгия» часть «Федра» и «Писем» Платона; «Никомахову этику» и «Политику» Аристотеля и, наконец, то, что он знал в переводах, но желал снова перевести на лучшую латынь, чем та, что у Вильгельма из Мёрбеке. Нападки, с которыми он обрушился в своем «Предисловии» к переводу «Этики» на переводчика-доминиканца XIII века, вызвали интересную дискуссию между ним и епископом Бургоса Алонсо Карфагенским (Alphonsus a Sancta Maria, ум. в 1456), вставшим на защиту старого перевода и сделавшим это очень умно (ок. 1430). Алонсо не владел греческим, зато знал и понимал Аристотеля намного лучше, чем Бруни, который греческий язык знал. Епископ с интересом перечитал главы, где ясно выступали новые термины, и понял, что термины, выбранные Бруни, хотя и более латинские, нежели эллинистские варваризмы Мёрбеке, однако философски недостаточные и даже неточные. Поскольку речь шла о философском произведении, то стало очевидным, что именно там узел проблемы. Бруни в своем ответе немало позабавился над человеком, который хочет научить его греческому, не зная этого языка, и нужно признать, что он был в выгодном положении, но не до такой степени, как он представлял.